

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКА
В АРХЕОЛОГИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
М. ФУКО**

**Е.И. Чубукова
(Санкт-Петербург)**

Один из выдающихся мыслителей XX столетия М. Фуко в начальный «археологический» период своего творчества анализирует историю культуры как историю идей, наук и способов мышления, выявляя взаимосвязь между различными видами речевых практик, зафиксированных в исторических документах, с внеязыковыми экономическим, социальными и политическими системами. В трех своих работах этого периода «Рождение клиники», «Слова и вещи», «Археология знания» он стоит на позициях, далеких от традиционной истории идей. Его интересует не эволюция тех или иных воззрений и представлений во времени, но их взаимосвязь в каждый исторический период. При этом Фуко пытается обнаружить общие мыслительные структуры, действующие на бессознательном уровне, которые он называет «эпистемами». Таким образом, культура и ее история типизируются на основе эмпирической струк-

туры, которую французский философ определяет при помощи дискурсивных практик. Дискурсивные практики образуются благодаря определенному способу означения, который обнаруживается при анализе конкретного исторического материала и обуславливает возможность самого познания. Описание способа означения и, следовательно, выбора того или иного пути познания образует «дискурсивную формацию». Задача «археологии знания» как науки, согласно Фуко, состоит в изучении дискурсивных практик или «эпистем».

В своей наиболее известной работе «археологического периода» «Слова и вещи» Фуко выделяет три основные «эпистемы», или эпистемические структуры в истории западной мысли. Главным основанием для выделения и сопоставления этих «эпистем» является специфика означаемого механизма, соотношения «слов» и «вещей» и трансформация языка в истории культуры. Первая «эпистема», согласно Фуко, сохранялась вплоть до Возрождения, включая XVI век. Вторая «эпистема» характеризует классический рационализм XVII–XVIII веков. Третья, современная «эпистема» охватывает период в конце XVIII — начала XIX века по настоящее время.

В первой «эпистеме» язык выступает как вещь среди вещей. Слова обладают такой же реальностью как и то, что они обозначают. Слова и вещи тождественны друг другу и даже взаимозаменяемы. Это «эпистема» основана на сопричастности языка миру, на разнообразных сходствах между словами и вещами мира. Слова и вещи образуют как бы единый Текст, который является частью мира Природы. Здесь, согласно Фуко, ключевую роль в знании играла категория «сходства». Именно она определяла в значительной степени толкование и интерпретацию текстов, делая возможным познание вещей. Согласно данной «эпистеме», мир состоит из знаков, нуждающихся в расшифровке. Знать — значит истолковывать. Отношение к текстам и вещам одно и то же: и здесь, и там люди находят знаки, подлежащие расшифровке. Отсюда возникает единство магии (прорицание природных явлений) и эрудиции (расшифровка старинных текстов). Наследие античности интерпретируется в ренессансную эпоху на тех же основаниях, что и сама Природа. В обширном наследии античности, «взывающем» к истолкованию, нужно обнаружить знаки и заставить их говорить. В этом аспекте, подчеркивает Фуко, XVI век совмещал герменевтику и семиологию. При этом герменевтика представляет совокупность приемов, позволяющих заставить знаки «заговорить», раскрыть свой смысл, а семиология помогает распознавать, что стоит за этими знаками и законы их взаимосвязи.

Согласно ренессансной «эпистеме», язык должен изучаться как вещь, принадлежащая Природе. Его элементом также как и природным явлениям, присущи свои законы соответствия и сходства. Изучение грамматики строится на той же эпистемологической основе, что и естественные и эзотерические дисциплины. Язык воспроизводит в своей материальной архитектуре сам мир, космос. Отсюда становится понятным замысел энциклопедического проекта, возникшего в конце XVI века, предполагающего воссоздать посредством слов и их размещения в пространстве сам порядок мира. Язык принадлежит к тому же самому «археологическому «срезу», что и познание вещей природы.

Конец Возрождения означал, вместе с тем, возникновение новой «эпистемы» классической эпохи. В классической «эпистеме» основой выступает уже не тождество слов и вещей, но мир мыслительных представлений, который обосновывает возможность познания и возникновение тех или иных теорий. Язык теперь теряет непосредственное сходство с миром вещей и становится посредником, приобретая право представлять и анализировать мышление. Деятельность разума состоит не в обнаружении сходства между вещами, а в установлении тождества и различия. Язык более не принадлежит миру, удаляется из сферы форм бытия и становится прозрачным, нейтральным. В этом, согласно Фуко, состоит одна из закономерностей культуры XVIII века. В этом аспекте Фуко считает показательным образ «Дон-Кихота». Французский философ рассматривает произведение Сервантеса как одно из классических произведений Нового времени, в котором видно, как жестокий закон тождеств и различий господствует над знаками и подобиями. В условиях нарушения связи подобия и знаков может возникнуть персонаж Сумасшедшего, понимаемый не как больной, а как отклонение от нормы и вместе как закономерное явление в истории западной культуры, ставшей человеком необычных сходств. Он сходит с ума, принимая вещи за то, чем они не являются, путает людей, не узнает своих друзей и приветствует незнакомцев. Ему кажется, что он срывает маски, хотя он сам же их налагает. Этот персонаж переворачивает все ценности и все пропорции, так как каждое мгновение ему кажется, что он расшифровывает какие-то знаки, и он видит одни лишь знаки сходства, а различие ему не известно. Таким образом, Дон-Кихот выступает персонажем, который «читает» мир, чтобы доказать правоту «книги». Его усилия направлены на поиски подобий, сходства, которые, как показано в романе, неизменно оказываются несостоятельными. Письмена и вещи больше не сходны между собой. Слова блуждают без своего содержания, без сходства, которое могло бы их наполнить. Они больше не обозначают вещей, ос-

таваясь в пыли между пожелтевшими страницами старинных фолиантов. Таким образом, согласно Фуко, в романе Сервантеса показывается, что мир Возрождения, в котором все еще продолжает пребывать Дон-Кихот, безжалостно раздавлен новой классической эпохой.

Начиная с XVII века, подчеркивает Фуко, западная мысль перестает двигаться в стихии сходства. В этом аспекте весьма характерна, по его мнению, критика сходства, содержащаяся в известной теории «идолов» Ф. Бэкона. Так, идолы «пещеры» и «театра» заставляют нас поверить, что вещи сходны с теориями, которые мы сами создали. Другие «идолы» заставляют верить, что сходство есть между самими вещами. Человеческий ум, подчеркивал Бэкон, склонен предполагать в вещах больше порядка и сходства, чем в них действительно находится. Кроме того, существуют также идолы «рынка». Путаница в языке возникает тогда, когда одно и то же имя в равной мере применяется к вещам разной природы.

Другую разновидность критики сходства представляет, согласно Фуко, картезианский рационализм. Классическое мышление в лице Декарта исключало сходство как основную форму знания посредством универсализации сравнения. Любое познание, согласно Декарту, достигается посредством сравнения вещей друг с другом. Подобное, бывшее долгое время фундаментальной категории познания, распадается в ходе анализа, осуществляемого в понятиях тождества и различия. При этом сравнение косвенно или непосредственно соотносится с порядком мышления, двигаясь от простого к сложному. Вследствие этого вся «эпистема» западной культуры и мышления изменяется в своих существенных характеристиках. Главная задача классического мышления — это построение всеобщей науки о Порядке. Классическое знание, согласно Фуко, было связано с математикой, понимаемым как универсальная наука меры и порядка. Эта связь, сохраняющаяся до конца XVIII века, является, по мнению Фуко, фундаментальным признаком классической «эпистемы». В рамках данной «эпистемы», считает французский философ, следует рассматривать возникновение таких дисциплин, как «всеобщая грамматика», естественная история и анализ богатств, то есть наук о порядке в сфере слов, форм бытия и потребностей. При этом инструментом всеобщей науки о порядке выступают уже не естественные знаки, как в ренессансной «эпистеме», но системы искусственных знаков, более простых и легких в употреблении. Это позволило использовать в познании комбинаторику, исчисления, таблицы, в которых сложные сочетания элементов выводятся из их составляющих.

В классическую эпоху замкнутый, целостный, тавтологичный мир сходства распался. Знаки стали инструментом знания, установления тож-

дества и различия, принципами упорядочения, разделения, классификаций. На пороге классической «эпистемы» знак перестает быть связанным с тем, что он обозначает посредством сходства, и не предполагает подобия. Если в XVI веке считалось, что вещи наделены знаками, чтобы люди могли разгадать их тайны, их природу, то, начиная с XVII века, знак конституируется посредством акта мышления. Отныне знак начинает что-либо обозначать только в рамках познания, именно здесь он обретает свою достоверность. В классическую эпоху, таким образом, использование знаков означало не попытку расшифровать некий изначальный текст, а создание произвольного языка, который санкционировал бы познание природы. Для классической эпохи, подчеркивает Фуко, было характерно стремление заменить все языки системой искусственных символов и логических операций. Язык стал настолько прозрачным для представления, что его собственное бытие перестало быть проблемой, не имея никакой самостоятельной ценности.

Возникновение современной «эпистемы», пришедшей на смену классической, означало, согласно Фуко, появление в культуре XIX века новых объектов познания — это жизнь, труд, язык. Выявление этих онтологических сфер в их самобытности, несводимости к мышлению стало, по его мнению, основой таких современных наук, как биология, политическая экономия и филология. Наиболее существенное изменение, происшедшее в западной мысли, заключается в том, что репрезентация, мысленное представление утрачивают свою определяющую роль в познании. В философском плане конец классической «эпистемы» намечается, согласно Фуко, критической проблематикой обоснования познания у Канта. Ограничивая область рационального мышления, пространство представления, Кант тем самым открывает возможность новых метафизик, то есть философии жизни, труда, языка.

Таким образом, в основе смены «эпистем» лежат, по мнению Фуко, модификации языка в культуре, обусловленные различным соотношением слов и вещей: язык как тождество с миром в эпоху Возрождения, язык как прозрачное средство выражения мысли в классическом рационализме и, наконец, язык в его самостоятельном бытии в современной эпохе. Особенно большие последствия, с точки зрения Фуко, имел переход от «классической «эпистемы» к современной, когда из посредника мышления и представления язык превращается в явление, обладающее собственным бытием и историей, приобретая особое критическое значение для анализа самого мышления и различных феноменов культуры. Работа «Слова и вещи» принадлежит к тому этапу его творчества, когда он считал, что суще-

ствуется некий глобальный принцип организации всех проявлений человеческой жизни. При этом доминантные структуры имеют языковой характер. «Эпистемы» реализуются в речевой практике каждой из эпох как своеобразный языковой «код», предполагающей свою систему предписаний и процедур. Эти языковые структуры бессознательно определяют мышление и поведение людей, специфику восприятия ими действительности, а также исходные методологические установки в системе социогуманитарного знания. Концепция Фуко представляет несомненный интерес в аспекте преодоления им традиционного представления о языке с точки зрения осуществляемой им репрезентативной функции как средства выражения и сообщения мысли и отображения мира. Философия языка Фуко представляет сложное, многоплановое явление, открывая новый подход к его осмыслению как важнейшего феномена человеческого бытия и культуры.